

# ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ

**ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ**  
АПРЕЛЬ 2017 г. • № 4 (246)  
ЦЕНА ДОГОВОРНАЯ  
Издается редакцией и Союзом писателей России

Михаил ТАРКОВСКИЙ

## ЛИБЕРАЛЫ ЛИШЬ ПО НЕСЧАСТИЮ

Беседавал Алексей Шорохов

Цикл “Национальная идея”

— Михаил, мы с тобой давно знакомы, поэтому если позволишь, разговор будет на “ты”. И главным объектом нашего разговора станет, как ты понимаешь, русский народ. Скажи, каким видится из сибирской глубинки (и “неглубинки” тоже, скажем, из Красноярска) — русский народ? Причём из Сибири корневой — крестьянской, промысловой, а не сырьевой с её принципом “отстоял вах-ту и купил квартиру в Москве”, ну или покуроресил на Мальдивах?

— Алексей, Сибирь как и любая земля, — многообразна, и к сожалению крестьянская, промысловая сторона, столь дорогая нам, переживает нынче не лучшие времена, а главное — не делает уж погоды, как прежде. Жизнь эта “наскрозь” пронизана интернетом, новейшей техникой, а главное духом, которым

рыночным и технологическим. Часть его сути можно сформулировать так: “Не буду сам делать пимы, бокаря, бродни, поршни, чирки (наиболее приглядное подчёркнул), а куплю “Хаски”, “Йети”, “Нордман” (комфорт до 40 градусов) и так далее”. И “также буду это обсуждать на охотничьем застолье”. А глубже — государство устранилось от решения спорных... да вообще вопросов и побеждает наиболее хищный, бесцеремонный, которому плавать на старинное, промысловое, а главное, на общинное, общее.

Но великая сибирская природа продолжает отбрасывать ненаглядный свой ответ и на таёжных мужиков, и на жителей сибирских городов, в которых проживает основная часть населения и где сложился буквально целый тип абсолютно нормальных русских больших мужиков, которые и дело делают, и ляжку свою волокут. У меня много друзей в Сибири. Проще примеры привести. Директор небольшого завода, который производит уникальнейшее точнейшее оборудование для буровых скважин. Есть иностранные аналоги, они намного дороже и вовсе не лучше. Он это предприятие поднял 25 лет назад с нуля. Там ничего не было. Пустое разорённое здание. Конечно, таким людям крайне трудно. Они еле выживают, потому что как бельмо на глазу и лакомый кусок. Но они бойцы. И что самое главное — люди думающие, понимающие, что происходит. Они из простых крестьянских и рабочих семей — и несут в себе самый что ни на есть сибирский народный дух. Они знают и любят свою землю, для них что Сургут, что Красноярск, что Чита — один мир, один дом. Садятся в машину и едут к друзьям в гости за две тысячи вёрст. “А мы любим дорогу”, — говорят они. Едут по своей земле. Так и прут, восхищаются её силой и красотой, сокрушаясь тем, что на ней творится. Я могу долго рассказывать про таких. Про писателя и подвижника из Новосибирска Николая Александрова. Про Юрия Михайлова из Марининска, создателя музея бересты, архитектора, знатока казачьей культуры, создателя ещё и краеведческого музея, в котором он сам и живёт. Как экспонат. Точнее, как эталон.

Товарищество, ответственность, сила духа, преданность Родине — вот что главное в этих людях. Не подчитывал в процентах, сколь такие люди составляют от общего населения. Согласен, что народ не однородный, что много и равнодушных. Но дело не в этом — мы про дух. Дух есть и он непобедим.

В провинции патриотизм и народность всегда сильней. Хотя и либералы есть, но они по-провинциальному ещё эгоцентричной, смешней и неистовой. Злючие — страсти!. Но их меньше в сотни раз, чем в Москве. Но и в Москве многие либералы лишь по воспитанию, по несчастью, а не по убеждению. Их воспитали, что патриотизм это, мол, неплохо. Официоз, дескать. Это из серии с Богом напрямую буду говорить, без Церкви. Цветаева такое отмочала. По радио в тайге слышал. Но вот “имя нехолово” — и мучаются всю жизнь, чувт раскол в душе, а потолок мшеает. Но мы не должны этих городских псевдолибералов отталкивать. Мы один народ. Мы должны их великодушно принять. На речку сводить, в баньке попарить. С Михайловым познакомиться. А там, глядишь, и в храм. Только помаленечку, без нажиму.

Я писал как-то, что фундаментальные ценности Русского мира не всеёны, трудно и жестоко, по законам самого затрапезного городского захолустья. И к фундаментальным ценностям, пожалуй, ближе всего сегодня некоторые старообрядцы. А в целом, — хранителей и продолжателей Русского мира сейчас больше в городках и городах, где шире людское разнообразие, больше учреждений, связанных с культурой, и больше людей, работающих с детьми: в музейном деле, в ремёслах, в музыке — например, в казачьей песне. Именно эта среда породила нынче явление подвижничества в различных направлениях. Оно, кстати, и с мастерскими делами так же. В городах появилось много высококлассных плотников, рубящих доскональнейшие срубы для богатых, и парадоксальным образом центр плотницкого мастерства переместился из глуши в цивилизацию.

Так вот, отвечая на вопрос, как видится отсюда наш народ — да нормально видится, про-братски, со своими бедами и надеждами — как ты сам в зеркале. Точно так же, как и из любого другого места России. Или даже лучше, но об этом дальше сказ.

— Следующий вопрос: смотри, ведь в истории заселения Сибири были разные волны и разные русские типы: новгородские поселенцы, затем казаки — покорители и первооткрывцы, потом служилые люди и крепостной народишко из Московского царства, потом Петровская, Столыпинская, наконец, Сталинская волны освоения Сибири. Я уж не говорю про каторжный и сырьный люд — со времён Иоанна Васильевича до системы ГУЛАГ Френкеля и Матвея Бермана включительно. Да и всех последующих, включая нынешнее, десятилетий...

Это всё разные типы и люди, или, в самом деле, сегодня сложился некий тип “сибирского русского человека”?

— Да, разные типы и люди. И однозначно сложился тип “сибирского русского человека”. Поразительно то, что на огромных расстояниях в тех, немногочисленных по сравнению с этими даями, поселениях совершенно единый дух. Сейчас он спутан и размыт проникновением иного ветра. Но на примере стариков, воспетых Валентином Григорьевичем Распутиным, на примере говоров, песен, материальной культуры — поражаешься, как всё близко и родственно. И никаким горам, каньонам, рекам не нарушить единства этого. Хотя каждая местность великолепно разнообразит плат этот, расцветивает и раскрашивает его. Это удивительно! Читал тут очерки о Ленских стариках талантливого русского писателя Андрея Антипина из Усть-Кутского района Иркутской области. Иркутск от Красноярска — 1000 км. А дух Ленский и Енисейский — один! Я писал как-то про удивительные наличники с валютами, которые встречаются в Томске, Енисейске и Иркутске. Неплохое плечо, да? Так вот — наличники и их распространение прямо показывают трактовый путь наших предков. И как они несли с собой русское. В саянх, в перемётных сумах, на нартах.

Я не знаю лично всех жителей Сибири и Дальнего Востока, которых с этой стороны Камня миллионов 25, но какое-то общее представление имею, и могу сказать, что в целом сибиряки очень крепкая и сильная порода людей. Связано это с тем, что на суровой, богатой и безлюдной природе надо выживать и становиться сильным ей под стать. Что звала она всегда людей предприимчивых и охочих до испытаний. С тем, что здесь полная возможность быть, как говорит один мой владивостокский друг: “Нормальным (пауза) русским (пауза) мужиком”. Какой он? Да матерый. Приехал тут один знакомый из Чехии и, увидев обилие “кружков” и прочих “паджериков” в посёлке с тысячу населения, развиступался: от, мол, “ваши чиновники” какие, только бы свою “задницу” на “дхипе” возить!” У нас, мол, кто-то купил (назвал маленький паркетничек) и это чуть ли ни ЧП. Я говорю: “А за сколько часов ты, друг дорогой, проежаешь Чехию, длина которой 400 км? Вот то-то. А ты поживи-ка здесь зиму, поезди по зимникам в морозы и пургу, поживи за рулём сутками и ты тогда поймёшь, почему трудовой здешний мужик любит нормальных коней!”

(окончание на стр.3)

К 80-летию Валентина Григорьевича Распутина



Затопили нас волны времён,  
и была наша участь мгновенна!  
Александр Блок

Валентин Григорьевич Распутин в полной мере обладает удивительным даром, отличающим русского советского писателя от беллетриста западного образца — каж-

## Русский вопрос у Валентина Распутина

дым своим крупным произведением он овеществляет в слове, делает зримой самую жгучую боль своего времени. И она начинает жить, двигаться, болеть в нас уже по-другому, как получившая самостоятельное бытие. Подчеркиваю — в каждом крупном произведении! Закономерность даже для русской литературы редкостная.

Я думаю, что в первую очередь это обусловлено другим редкостным дарованием писателя — его литературное творчество на всём открывающемся сегодня пути внутренне непротиворечиво и цельно, чего нельзя сказать даже о таких крупных художниках, как Толстой и Лесков. И у этой непротиворечивости Распутина есть своё объяснение: в силу словесных и временных условий формирования личности художника, ему не пришлось тратить значительную часть жизни на поиск и обретение “русского пути”, как тем его предшественникам, которым мешало барство или социал-демократическое воспитание.

Крестьянский сын, носитель тысячелетнего гена русского этноса, он самым местом и временем своего рождения — одного из пиков Русской цивилизации, победившей во Второй мировой войне, — был поставлен на этот путь. Ему оставалось только с него не сворачивать. Что, безусловно, требовало (и требует!) большого мужества. Но мы сейчас о другом — чтобы в достаточной мере осознать эту повесть Распутина, нужно прежде всего уяснить тот очевидный факт, что становится она понятной во всей своей полноте только при взгляде на неё через все предшествующие знаковые повести писателя.

Именно здесь он договаривает начатое в “Живи и помни” и, особенно, в “Прощании с Матерой”.

1. Затопленная почва

То, что происходит с героями повести Распутина — семьей Воронниковых, — становится последней каплей русского исхода, после которой или должно что-то происходить, или уже не может произойти ничего.

Этой последней капле дано, наконец, доплеснуться до нашего сознания, оглушённого визгом и лязгом нового време-

ни. Дано для того, чтобы понять: русского человека вне почвы нет! Достаточно вспомнить факты: только в годы революции Россию покинуло свыше пяти миллионов человек — и где они, что с ними стало? Уже во втором поколении их потомки не знали русского языка, и всеми силами старались слиться с окружающими их народами!

Вы что-нибудь слышали, например, о “русской диаспоре” в США? А ведь по численности эмигрировавших туда в разные эпохи русские уступают, пожалуй, только ирландцам! И это говорит отнюдь не о какой-то там слабости или “размытости” русского типа, как нам сегодня втюлывают иные “доброжелатели” — применимо “к самому непокорному на свете на-

роду” такие измышления смешны! — нет, это говорит только о том, что, лишившись почвы, русские теряют и свою великую национальную силу.

Вспомним хотя бы расхожий фольклорный миф, когда русскому богатырю, чтобы победить противника, нужно было обязательно коснуться земли и набраться от неё своей удивительной силы. А его враг, наоборот, всеми силами старался не допустить этого и приподнять богатыря на воздух, оторвать от родной почвы.

И это не просто красивый образ, это — цивилизационный диалог! Заданный в самом начале нашей истории и на тысячу лет вперед!

В повести Распутина “Дочь Ивана, мать Ивана” мы видим итог русского исхода — начавшегося в годы революции и коллективизации, и окончательно свершившегося в послевоенные десятилетия, когда крестьянская Россия перестала существовать, и количество городского населения впервые за последнюю тысячу лет нашей истории превысило её население сельское. Тот самый “народ”, который два последних столетия являлся для русской литературы синонимом национальной идентичности... исчез, растворился в сутолоке больших городов.

Итого этого исхода двоякий. С нравственной точки зрения он характеризуется *онтологический растерянностью*: “что же мы за народ?”, “почему с нами это происходит?”, “что в нас сломалось?” — спрашивають себя герои повести. С точки зрения национальной итог русского исхода оказался не более утешителен — сильно “посмуговлевшие” в городах потомки Иафета (что было бы невозможно в крестьянской России при стопроцентном русском населении деревень) и сами-то не очень озабочены своей национальной идентичностью. Они — фон существования, потому что недавние выходы из деревни и ещё хотя бы в детстве заставшие “норму” муж и жена Воронниковы уже, пожалуй, исключение в окружающей их городской жизни. Во всяком случае, в центральных губерниях русский исход совершился на одно-два поколения раньше.

(окончание на стр.3)



Эх, жалко, зима заканчивается!.. Михаил Тарковский со-товарищи

К 100-летию Октябрьской революции

Для меня Владимир Ильич Ленин — безусловно, великий русский политик, государственный и революционер XX века. Но никто не может объять необъятное. Величайший политик может не знать высшей математики, плохо разбираться в биологии, и даже недопонимать в литературе.

В советское время, когда шла откровенная идеализация Ленина, его объявляли и крупнейшим философом, и теоретиком культуры. В статье “Критические заметки по национальному вопросу” (1913) Ленин теоретически обосновал классовые корни культуры в буржуазном обществе: “В каждой национальной культуре есть, хотя бы не развитые, элементы демократической и социалистической культуры... В каждой нации есть также культура буржуазная... притом не в виде только “элементов”, а в виде господствующей культуры”. Но так ли это? Неужели не существует единой национальной русской культуры, единой французской, немецкой, китайской? Надо ли и впрямь “взять всю буржуазную культуру”, затем её критически переработать и использовать в интересах развития подлинно пролетарской культуры? Так можно и много ценного за бортом оставить.

К прошлому русской культуры, как культуры “загнивающего капитализма”, Ленин относился с беспощадной критикой:

## "Ленин всегда живой..."

Владимир БОНДАРЕНКО

многое в ней возбуждало его гнев, ненависть и презрение. В статьях кипит возмущение Ленина старой культурой и поднимается вопрос о “партийности литературы”. Таких осуждений культуры прошлого у него можно встретить огромное количество.

Я даже принимаю ленинский тезис о той или иной “партийности литературы”, но в рамках единой национальной культуры, в которой, конечно же, могут преобладать те или иные и классовые, и партийные, и национальные и даже половые интересы, но Александр Пушкин и Марина Цветаева, Владимир Маяковский и Сергей Есенин, Иосиф Бродский и Татьяна Глушкова всё же являются неотъемлемой частью русской национальной культуры. Я не знаю, как определить классовость поэзии Николая Гумилёва, и чем она отличается от классовости его советских последователей Луговского или Тихонова.

Великий русский философ Николай Александрович Бердяев, отмечая ряд привлекательных черт в характере и облике Ленина, в то же время утверждал: “Тип культуры Ленина был невысокий, многое ему было недоступно и неизвестно... Он много читал, много учился, но у него не было обширных знаний, не было большой умственной культуры”. Он не был ни профессионалом, ни специалистом в области культуры, его вкусы были типичны для средней русской провинциальной интеллигенции конца XIX — начала XX веков: демократическая публицистика 60-70-х гг., Некрасов и поэты-искрывцы, классические русские романисты, любовь к Чернышевскому, Добролюбову, Писареву, живопись русских передвижников и т.п.

По-настоящему любить и понимать искусство ему мешал всё-таки же узко-классовый подход абсолютно ко всему и неприятие новых форм. Спасало же его то самое русское природное очарование. Не случайно же координатор Октябрьской революции, ближайший его сподвижник Лев Троцкий усматривал в Ленине прежде всего национально-русскую основу: “свободу от рутины и шаблона, от фальши и условности, решимость мысли, отвагу в действии”, “страшную” простоту, утилитарность и аскетизм — как “внешнее выражение внутреннего сосредоточения сил для действия”, “хозяйскую мужицкую деловитость — только в грандиозном масштабе”, “интуицию действия”, что “по-русски зовётся сметкой”, — “мужицкую сметку, только с высоким потенциалом, развернувшуюся до гениальности” (Троцкий Л.Д. К истории рус. революции. М., 1990). Отсюда и его отношение к “буржуазной культуре” как к ненужной “роскоши”, своего рода “барству”, отсюда и его сведение культуры к прикладным средствам политики и орудиям пропаганды...

Наиболее чётко ленинская концепция культуры была им изложена в статье “Партийная организация и партийная литература” (1905), опубликованной в легальной газете, издававшейся М.Горьким, — “Новая Жизнь”, и ставшей определяющей для всех советских теоретиков культуры чуть ли не на сто лет. Ленин выдвинул теорию “двух культур” в рамках одной национальной культуры и использовал её для полноты власти, что пробило колоссальную брешь в русской национальной культуре и привело к почти полному уничтожению существованию социалистического канона в искусстве.

Со своих классовых позиций Ленин судит о Некрасове и Тургеневе, Гончарове и Щедрине, Чехове и Горьком, Розанове и Суворине, Маяковском и Д. Бедном... Чересчур уж утилитарный и прагматичный подход, исходя из которого Владимир Ильич смело вычеркивал из списков русской культуры и “архискверного Достоевского”, и Соловьёва, и Большой театр, “остаток помещичьей культуры”, и многих других русских гениев.

Концепция “двух культур” стала главной помехой в развитии русского искусства в XX веке, привела к появлению диссидентов, и в конечном счёте к развалу Советского Союза.

В своё время Ленин в споре с Горьким утверждал, что и Короленко хорошо бы посидеть в тюрьме, он же рекомендовал высилку из России в 1922 году около трёхсот крупнейших философов, профессоров, писателей; интеллектуальную национальную элиту страны, — по мнению Ленина сплошь “крепостников” и “черносотенцев”, — поспешно заменяя неопитами, пережившими из-за черты оседлости.

Его мало интересовали общемировые ценности и культура, не связанные с политическими интересами. В книге старости большевика Николая Валентинова “Мои встречи с Лениным”, написанной им в 1953 году, автор вспоминает, как пытался узнать у Ленина, читал ли он Шекспира, Байрона, Шиллера. Тот отвечать не стал, а когда Валентинов спросил его о Достоевском, он вообще бурно отреагировал: “На эту дрянь у меня нет свободного времени”.

Какая-то удивительная схожесть с Чубайсом. Николай Бердяев высказался ещё более жёстко: “В философии, в искусстве, в духовной культуре Ленин был очень отсталый и элементарный человек, у него были вкусы и симпатии людей 60-х и 70-х годов прошлого века. Он соединял социальную революционность с духовной реакционностью”. Отсюда и его абсолютное отрицание авангарда в культуре, от стихов Маяковского до живописи футуристов. Ещё один перл вожды из области культуры: П. Луначарскому: “Все театры советую положить в гроб” (26.08.1921). Позже добавил: “Неловко, Анатолий Васильевич, содержать такой роскошный театр, как Большой, когда у нас не хватает средств на содержание самых простых школ в деревне. Опера и балет — остаток чисто барской культуры”.

Признаем и мы, конечно же, есть высокое искусство, мало доступное широким массам, есть массовая культура, часто весьма примитивная и убогая, потрафляющая самым низменным инстинктам, но определять всё талант любого мастера, и чем выше талант, тем более общенациональным становится его творчество, независимо от условий жизни.

Происходил как бы идеальный поединок высоких соперников. Пётр Аркадьевич Столыпин говорил: “Народ, не имеющий национального самосознания — есть навоз, на котором произрастают другие народы”. Конечно же, он говорил о едином русском национальном самосознании. Ленин же противопоставил ему иное отношение к нации: “Есть две нации в каждой современной нации... Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре. Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве, — но есть также великорусская культура, характеризующаяся именами Чернышевского и Плеханова”, — писал Ленин в 1913 году.

Идея разделения русской национальной культуры на два враждебных друг другу лагеря не претерпела изменений и тогда, когда победила революция, она стала руководством к действию. Немало есть сторонников ленинской теории двух культур и в наше время, как у патриотов, так и у либералов. Мол, в виоизменённом состоянии теория и сейчас подтверждается, вот журнал “Наш современник”, и вот журнал “Знамя”, вот Александр Проханов и вот Андрей Битов. Либеральное направление и почвенническое, национальное и космополи-



тическое. Направления такие есть, но никто не мешает переходить из одного в другое, или как-то совмещать их, да и сами талантливые книги как патриотов, так и либералов останутся в рамках единой русской национальной культуры. Все классовые и политические разделения в культуре условны и временны. Когда сегодня господствующее до сих пор в культуре и литературе либералы хотят чисто по-ленински объявить патриотическую культуру “отживающей”, выносят ей суровый приговор, они уподобляются ленинским пропагандистам, ставшими “Мать” Горького и статьи Чернышевского выше прозы Достоевского и статей Аполлона Григорьева или Бердяева.

“Мёртвый хватает живого”, — приводит Луначарский старое изречение, характеризующее соотнесённость разных вероисповедных культур. — Да, мёртвый класс хватает живого; социальный мертвец, мёртвый класс, мёртвый быт, мёртвая религия могут ещё долго существовать как вампиры: им давно уже нужно быть на кладбище, а они ещё тут, среди нас. Они лезут из могил, если их не пристукнули осыновым колом, они выходят чадом из трубы крематория и вновь опускаются на землю чёрной нечистотой”...

Сказано сильно, но не точно. Наша православная культура определяла в целом даже советское искусство, определяя и сейчас, и советское искусство нигде не исчезнет, ибо шедевры бессмертны. И книги Проханова будут стоять на полках рядом с книгами Пелевина и Петрушевской. Национальная русская культура — единая!

Единодушным Ленин в теории двух культур стал и Лев Троцкий со своей книгой “Революция и литература”, вышедшей в 1923 году. Он отбрасывает прошлую национальную русскую культуру как ненужную, мешающую развитию. “Повторим ещё раз: история нашей общественной мысли до сих пор даже клинником не врезывалась в историю мысли общечеловеческой. Это малоприятно для национальной самолюбия? Но, во-первых, историческая правда — не фрейлинка при национальном самолюбии. А во-вторых, будем лучше наше национальное самолюбие полагать в будущем, а не в прошлом”.

Поэты тогда писали: “Во имя нашего завтра, сожжем Развлек...” И жгли, как жгли и в 1991-ом только уже советское искусство лютые антисоветчики, не видящие в советском искусстве ничего достойного. Мол, в будущем создадим великое. Крупнейший литературный критик и советский чиновник Александр Воронский писал по поводу этих идей Троцкого: “В среде пролетарских писателей нередко пытаются ослабить смысл этих утверждений указанием, что это личное мнение тов. Троцкого. Нетрудно, однако, показать, что это не так. Всякий, кто вспомнит последние зимние и весенние выступления в печати тов. Ленина, обязан признать полный контакт их с точкой зрения тов. Троцкого”.

Неплохо бы это помнить и нынешним либеральным разрушителям русской национальной культуры.

Меня эта ленинская теория двух культур ударила и конкретно в самом начале моей литературной деятельности. В журнале “Север” № 11 за 1982 год была опубликована моя статья “Сокровенное слово Севера”. Я писал о вологодской ссылке в царские годы Анатолия Луначарского и Бориса Савинкова, Николая Бердяева и Алексея Ремизова. Это было признано недопустимым: “Главлит СССР сообщил Карельскому обкому КПСС о своих замечаниях, в связи с чем решением бюро обкома обращено внимание главного редактора Т. Гусарова Д.Я. “на недопустимость публикации материалов, содержащих ущемления в идеологическом отношении сведения...”

Описывая вологодскую ссылку Бердяева и Луначарского, Савинкова и Богданова, я цитировал из эмигрантских изданий и Бердяева, и Савинкова, и Ремизова. Я и знать не знал, что упоминать их в то время было запрещено. Думаю, не знал этих имён и карельский цензор, которого за публикацию моей статьи выгнали с работы.

Дальше — больше. В главной тогда газете “Правда” появилась обширная статья главного идеолога Союза писателей СССР, русофобствующего марксиста Юрия Суровцева с резкой критикой в адрес “молодого критика Владимира Бондаренко” за его “антиленинскую позицию” по русскому национальному вопросу... Было объявлено об отрицании мною ленинской теории двух культур. Постановление об ошибочности статьи было цензурным Главлитом разослано по всем литературным изданиям страны, а в Москве состоялось заседание секретариата Союза писателей СССР, посвящённое идеологическим ошибкам журнала “Север”. Так либералы сразу же и загнули меня в русский патристический лагерь. Честно говоря, я тогда эту ленинскую работу о двух культурах ещё и не читал. И не понимаю, как её можно было приложить к моей статье...

Интересно и то, что после перестройки все эти советские марксистские идеологи типа Суровцева стали либералами и демократами, но всё также разрушающими единую русскую национальную культуру. Помню, в конце семидесятых годов на совещании молодых литераторов СССР всё тот же Юрий Суровцев исчеркал мою рукопись пометками: “Почему он пишет русский писатель, а не советский писатель?”. “Что за современная русская литература?”. Она же по ленинской теории должна была давно отмереть, да ещё с православной прокладкой. Естественно, после перестройки он стал уже комиссаром демократов и проповедником “россиянства”. Как и большинство партийной элиты. Удивительно, ни одного диссидента после перестройки до власти не допустили. Все — свои.

Так что, при всех согласиях и несогласиях с ленинской теорией двух культур, она и сегодня дискуссионна во всех смыслах. “Ленин всегда живой...”! Соглашаешься ты с ним или нет!